

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБЗРѢНІЕ

I.

„Русская Мысль“ встревожена участіем „толстыхъ журналовъ“ стараго типа.

Обидный конфузъ заключается въ томъ, что журналы съ ярко прогрессивнымъ репомъ начинаютъ привлекаться не по „старой знакомой“ 129 ст. угол. улож., а по статьѣ 1001-й — за развращеніе нравовъ, за порнографію.

Старыя весталки вдругъ оказываются въ одной компаніи съ тѣми, кто заклеименъ безстыдствомъ грубаго, животнаго порока; жрецы цѣломудрія превращаются въ глашатаевъ освобожденія плоти...

Толстые журналы издавна были нашей высшей школой съ особой наукой, публицистикой, критикой, беллетристикой.

Это былъ живой родникъ, питавшій всѣхъ жаждущихъ. Сюда чистая сердцемъ молодежь приносила свой большій запасъ любви, уваженія, послушанія... И наука, преподававшаяся въ народническихъ, марксистскихъ журналахъ, воплощалась въ общественное дѣло.

Духомъ высокаго идеализма вѣяло отсюда. Эти журналы, дѣйствительно, воспитывали.

Это были святыя книги рождающія въ юныхъ душахъ святыя мысли и чувства укруплявшія героическія стремленія, даже тогда, когда съѣ яко бы отрицали героизмъ личностей, превознося энергію массъ...

И вдругъ съ кафедры одного изъ такихъ „толстыхъ журналовъ“ заговорилъ „Санинъ“.

Тамъ, гдѣ Рахметовъ Чернышев-

скаго спалъ на гвоздяхъ, готовясь пожертвовать своей жизнью за чело-вѣчество, гдѣ благородный Свѣтловъ Оммулевскаго, точно рыцарь изъ сказки, разрушалъ ковы злыхъ людей, боролся самъ, звалъ всѣхъ на борьбу и всюду сѣялъ вокругъ себя сѣмена счастья и радости.—тамъ вдругъ появился потертый господинъ съ гнусенькой улыбкой, вся душа котораго заполнена похотливыми ощущеніями и мыслями. Подъ видомъ героя, спасающаго чело-вѣчество, выступилъ господинъ, насилующій женщинъ, которыя отъ его любви бросаются въ воду...

Только чело-вѣкъ, лично воспитавшійся на нашихъ толстыхъ журналахъ, имѣ обязанный своими лучшими моментами, благородными порывами, поднимающими душу и дающими иллюзію полноты существованія, можетъ понять, что произошло въ душѣ русскаго интеллигента при видѣ такой „эволюціи“ толстыхъ журналовъ.

На мѣстѣ святѣ—мерзость запустѣнія. Въ храмѣ—лошадиный стой. Въсто героевъ—арцыбашевскіе „жеребцы“ и „кобылы“.

Нѣсколько переоцѣнивая размѣры и смыслъ указанной „эволюціи“, „Русская Мысль“ поднимаетъ вопросъ о переживаемомъ журналами кризисѣ, исходъ котораго представляется, по-видимому, сомнительнымъ для почтеннаго журнала, при чемъ не исключена возможность смертельнаго исхода.

Съ тревогой журналъ останавливается на мысли: не означаетъ-ли кризисъ, что лучшая молодежь исчерпала себя всю до дна, что у нея на душѣ не осталось ничего, кромѣ „проблемъ пола“, кромѣ оголеннаго полового инстинкта?

Намъ кажется рискованной такая постановка вопроса, и въ самой формулировкѣ его слышится отрицательный отвѣтъ: нѣтъ, не означаетъ...

Молодежь всегда была и останется лучшей частью общества, надеждой будущего. „Проблемы пола“ навязаны ей, привиты гг. „порнографами“, литераторами-упадочниками, надло занятыми неподобающія имъ кафедры глашатаевъ „новыхъ словъ“.

Говорите о струпахъ, язвахъ и нравственномъ старческомъ маразмѣ этихъ новыхъ циниковъ, но оставьте въ покоѣ молодежь поколѣніе.

Достаточно назвать М. Горькаго, достаточно вспомнить данные имъ типы современной молодежи (въ „Дѣтихъ Солнца“, „Врагахъ“ и особенно въ повѣстяхъ „Мать“ и „Исповѣдь“), чтобы исчезли пугающіе призраки и чтобы молодость предстала передъ нами въ истинномъ своемъ одѣяніи. Та же молодость, въ которую вѣрнѣе, которую любилъ и благословлялъ великій заступникъ молодежи Тургеневъ; та же молодость которой всегда дышала и жила наша литература, пока въ наши дни, не завелись литературные пакостники...

II.

Въ эти ненастные дни, въ эту пору почти полного литературнаго оскуденія какъ-то особенно пріятно вспомнить добрымъ словомъ другого защитника молодого поколѣнія Н. Г. Помяловскаго, писателя-бурсака. Сегодня, 5 октября, сорокалѣтняя годовщина со дня его смерти. Вотъ писатель, спустившійся на самое „дно“ жизни, впитавшій въ себя ея откровенный, неприкрашенный цинизмъ.

И, однако, рѣдко у кого другого вы найдете такое бережное отношеніе къ молодому поколѣнію, обвѣянное любовью и вѣрой въ его правоту и право на жизнь.

Кажется всѣ муки, всѣ ужасы самого ада глядятъ на васъ со страницъ „Очерковъ Бурсы“ Помяловскаго, бурса обнажена писателемъ-реалистомъ отъ послѣднихъ покрововъ и показана во всей своей непригляд-

ности, но ни одна фальшивая нота не спугиваетъ высокаго настроенія читателя, глубоко захваченнаго развѣтывающейся трагедіей дѣтскаго существованія, ни разу не мелькнетъ мысль о „порнографической“ обработкѣ сюжета...

Глубокое состраданіе и симпатія къ молодымъ поколѣніямъ видны какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ произведеніяхъ Помяловскаго („Вуколъ“, „Мѣщанское счастье“ и „Молотовъ“).

Сила художественной изобразительности въ его талантѣ обнаружилась особенно рельефно въ очеркахъ Бурсы, а также вотъ въ этой неподобной сценкѣ, которой открывается „Мѣщанское счастье“.

— Припомнился ему (Молотову) отецъ-мѣщанинъ, слесарь, жизнь въ темной конурѣ, грязь и бѣдность, и первыя дѣтскія радости, смѣхъ и горе, и молитвы. Бывало, отецъ долго работаетъ, потъ выступить на его широкое лицо, а онъ, Егорка, тутъ же копается. Отецъ вдругъ оставитъ работу, всдохнетъ на всю комнату, уцепитъ ребенка за щеку и скажетъ: „А поди ко мнѣ, чертенокъ“, посадить его къ себѣ на колѣни, лобуется на сынишку, цѣлуетъ его крупными губами, подниметъ къ потолку, хохочетъ.

— Чего ржешь, тятка?

— Что, Егорка? а?

— Ржешь чего?

— А стихъ такой нашелъ.

— Ишь ты! отвѣчаетъ Егорка.

— А спѣть тебѣ пѣсню? спрашиваетъ отецъ.

— Спои, тятка.

И поетъ отецъ дряннымъ голосомъ пѣсню.

И когда читаешь „веселые пейзажики“ Помяловскаго, чувствуешь бѣшеніе большого человѣческаго сердца, чувствуешь, что оно страдаетъ отъ общественныхъ, семейныхъ и иныхъ

всяческихъ неустройствъ жизни, которые особой тяжестью обрушиваются на плечи пролетарскаго, мѣщанскаго и мелкаго чиновничьяго люда, изучаемаго писателемъ-реалистомъ заклада 60-хъ годовъ.

И мысль съ невольнымъ упрекомъ обращается къ современникамъ, исключившимъ изъ сферы своего наблюдения какъ разъ эту основу общественной пирамиды и занявшагося почти исключительно откровенной разработкой эротическихъ сюжетовъ.

III.

Подъ какимъ знакомъ войдетъ въ исторію наше переходное время? Какая его отличительная господствующая черта?

Аналогія съ началомъ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія наводитъ на не совсѣмъ лестную характеристику вообще переходныхъ эпохъ.

Какъ извѣстно, художественная литература и общественное сознаніе заклеили 80-е годы, какъ проклятую эпоху общаго омертвѣнія, пошлости и тупости. Какой угодно бранный эпитетъ не кажется рѣзкимъ и несправедливымъ для того времени общественной агоніи.

И замѣчательно, что съ этой оцѣнкой не расходятся и взгляды тѣхъ людей, которые, казалось-бы, должны были быть довольны даннымъ ими же направлениемъ народной мысли и волѣ, которые сами вызвали къ жизни новыхъ ея пѣстуновъ и димурговъ.

Виновникомъ наступившаго послѣ 1881 года общаго развала по-справедливости называютъ покойнаго К. П. Побѣдоносцева, обер-прокурора Свят. Синода. И тѣмъ не менѣе онъ крайне жестоко отнесся къ своему дѣтищу.

Побѣдоносцевъ обвиняетъ его въ „нравственномъ равнодушіи и нравственной трусости“... И считаетъ, что это—заговоръ... Ушибъ младен-

ца—общество, сдѣлалъ изъ него труса и тупицу, и самъ удивляется и возмущенъ, что такъ вышло...

Это признаніе выражено Побѣдоносцевымъ въ письмѣ—конфиденціальномъ—на имя архіепископа херсонскаго Никанора. Письмо, помѣченное 24-мъ іюня 1884 года, замѣчательно и въ другихъ своихъ подробностяхъ; нынѣ оно появилось въ „Запискахъ“ Никанора, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“.

Никаноръ сильно тревожился развитіемъ въ его епархіи штунды—вообще злободневный для того времени вопросъ.

На этой почвѣ у него завязалось короткое знакомство съ другимъ противникомъ штунды, нѣкимъ Чепурнымъ.

Чепурный—крестьянскій самородокъ и сельскій писарь, утверждалъ, что штунда—это заговоръ анти-церковный и анти-государственный, почему и просилъ Никанора испросить ему аудіенцію у Государя, чтобы раскрыть эту тайну самому Царю.

На свое письмо въ этомъ смыслѣ Побѣдоносцеву Никаноръ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Спѣшу отвѣтить на конфиденціальное сообщеніе ваше отъ 18-го іюня. Людей, подобныхъ Чепурному, знаю я не мало и отъ многихъ получаю письма. Всѣ онѣ заканчиваются желаніемъ лично объяснить свой секретъ Государю Императору.

Согласитесь, что если-бы этимъ желаніямъ даваемъ былъ ходъ, то Государь поставленъ былъ-бы въ неестественное положеніе, и эти люди вообразили бы о себѣ нѣчто совсѣмъ чудовищное.

Самые добросовѣстные и разумные изъ нихъ (ибо многіе совсѣмъ невѣжественны) принадлежатъ къ числу многихъ простыхъ людей, сбившихъ съ толку явленіями новаго, безвластнаго и безпорядочнаго времени, коихъ

они не могутъ согласить съ обычными понятіями и представленіями о власти и порядкѣ.

Они думаютъ, что узнали нѣчто особенное, когда познакомились съ этими явленіями ближе и мнятъ видѣть повсюду особливые заговоры. Увы! Имъ неизвѣстно, что этотъ безсознательный заговоръ нравственнаго равнодушія и нравственной трусости простирается на всю совокупность властей и интеллигентныхъ лицъ, какъ центрального, такъ и мѣстнаго быта.

Къ числу такихъ несомнѣнно принадлежитъ и вашъ Чепурный. У меня масса писемъ отъ подобныхъ ему людей. Я не нахожу никакой надобности вызывать ихъ и тратить на нихъ деньги. Что онъ мнѣ скажетъ? Что къ штундѣ привязываются нерѣдко тайныя цѣли противоправительственныхъ подстрекателей? Да я это и безъ него знаю и не въ одной

лишь штундѣ вижу; но что жъ изъ этого?

Люди, подобные Чепурному, думаютъ въ своей наивности: вѣрно Царь этого не знаетъ, а если-бы зналъ, то навѣрное прекратилъ бы... Люди эти еще держатся стараго понятія о томъ, что изъ Петербурга можно все перемѣнить и устроить какъ-бы волшебствомъ, въ силу высочайшаго повелѣнія или царскаго указа.

Они вѣдь и понятія не имѣютъ, что время Петра, и даже Николая, стало легендарнымъ и что съ тѣхъ поръ „рѣки весьма свое теченіе, и птицы летаніе перемѣнили“; и что борьба со зломъ, принявшимъ форму законодательную, во многихъ случаяхъ стала несравненно сложнѣе, говоря уже о трудности борьбы съ зломъ, разлитымъ въ воздухъ и составляющимъ атмосферу, среди которой мы живемъ и движемся“.